

Туманные берега Несбывшегося

Учит. газета, - 1995, - 15 авг. - с. 24.

115 лет назад, 11 августа 1880 года, родился Александр Степанович ГРИНЕВСКИЙ (ГРИН). Это произошло в Вятке, вдали от моря и бригантин. Умер он в маленьком домике на глухой улочке Старого Крыма, хоть и южного, но не морского городка.

Лисс, Гель, Гью, Зурбаган - странные, даже не иностранные, а какие-то инопланетные названия городов в книгах Грина. Где-то здесь же, недалеко, остров Рено и пролив Кассет. Между городами снуют парусники и пароходы, управляемые мужественными, благородными капитанами Дюком, Эстампом, Рениором, Чинчаром и другими. Названия городов, кораблей и капитанов кочуют из рассказа в рассказ, создавая впечатление, что все действие происходит в некой одной удивительной стране.

А это и есть страна - Гринландия, созданная гением великого писателя. Не менее загадочны и имена жителей этой страны. Загадочны и просты. Сразу можно понять, хороший это человек или плохой. С одной стороны, Грэй, Ассоль, Летика, с другой - Дери, Мэннерс, Фукс.

Все мы в той или иной степени уходим от реальной жизни в свой мир. В нем мы полные хозяева, обустроиваем его и населяем, как хотим. Мир Грина - это мир, где есть не только сказка и романтика. Там есть предательство, подлость, серость и мещанство. Но побеждают любовь и правда. Почти половина рассказов Грина заканчивается словами: «Они жили долго и умерли в один день». Но чуть ли не главное действующее лицо - море. Оно всегда участник событий и всегда рядом. Его запах на каждой странице.

Александр Грин открыл свой мир всем. Многие его поняли, полюбили и даже переселились в него. Написали хорошие песни и сняли фильмы. Другие взяли на вооружение и растиражировали его в сотнях кафе и ресторанов под названием «Алые паруса», где от Грина не осталось ничего, кроме названия и примитивных картинок на прокуренных стенах.

Это неудивительно, ведь многими Грин полупрочитан.

Да и вряд ли его могут прочитать полностью те, кто не может сидеть часами на берегу и всматриваться в морскую даль или замирать при виде парусника, входящего в акваторию порта.

Вообще романтиков все меньше. Возьмем такую вполне романтическую категорию людей, как члены яхт-клубов. Сразу можно заметить, что среди них есть не официальное, но вполне четкое подразделение на «мотористов» и «парусников». Первые вечно ходят с руками, перепачканными машинным маслом, и всецело погружены в моторы, запахи бензина и выхлопных газов. Их идеал - с ревом несущийся по водной глади катер, оставляющий за кормой длинный пенный след и восхищенно-завистливые взгляды.

«Парусники» моторы недолюбливают и пользуются ими лишь в крайних случаях, предпочитая в любых условиях, даже при самом встречном ветре, пользоваться парусами. Ведь ни с какой скоростью не сравнится ощущение пойманного в паруса ветра, когда без всякого рева яхта вдруг начинает немного крениться и неукротимо скользить вперед, а под килем начинает все сильнее и сильнее журчать вода.

В грохоте мотора не услышать голоса моря, через гарь не ощутить его запаха и никогда не встать на рейде Зурбагана...

Еще не так давно не было, пожалуй, ни одной школы, ни одного пионерлагеря без отряда «Алые паруса». А знаменитую речевку, она же куплет из одноименной песни, знает наизусть все население бывшего Союза: «Ребята, надо верить в чудеса...». Да, верить в чудеса нас учили с первого класса, учили в стране, где всякая возможность чуда искоренялась и вытравывалась жесткой системой, дающей людям минимальную степень свободы.

В те же времена литературу в школе преподавали не иначе как в стиле: «первая черта Андрея Болконского», «вторая особенность пьесы «На дне», «четвертый сон Веры Павловны». Это намертво отбивало охоту читать не только классику, но и что-либо вообще.

Александра Грина в программе не было. Его имя встречалось только в списке литературы, «рекомендованной для чтения на лето». И, наверное, хорошо, что не было.

Поколение за поколением открывает Грина

В том-то все и дело, что Грэй смог поднять алые паруса, и не так важно, из чего они были сделаны, показав, что есть на свете чудеса: «Тем временем в Каперне произошло такое замешательство, такая поголовная смута, какие не уступят эффекту знаменитых землетрясений, у корабля были те самые паруса, имя которых звучало как издевательство: теперь они ясно и неопровержимо пылали с невинностью факта, опровергая все законы бытия и здравого смысла».

А ведь ничего не мешало Грэйю взять Ассоль обычным путем. Бедная девушка и так бы не отказала богатому, молодому и красивому капитану. Но, узнав о предсказании, он твердо решил, что Ассоль «не может, не должна иначе выйти замуж, как только таким способом. Когда для человека главное - получить дражайший пятак, легко дать этот пятак, но когда душа таит зерно пламенного растения - чуда, сделай ему это чудо, если ты в состоянии». И в результате

Грина невозможно не открыть еще и потому, что у нас у всех есть мечта. Но можем ли мы ее высказать, как умел Александр Грин: «... в порте Дубельт вечерняя звезда сверкнула над черной линией новой мечты. То был «Секрет», купленный Грэмем трехмачтовый галиот в двести шестьдесят тонн».

Говоря о мечте, я имею в виду именно большую мечту. Для кого-то - это белый мундир капитана дальнего плавания на мостике парусника, бросившего якорь у экзотических островов. Для других - трехэтажная дача на берегу океана или замок в горах. Нужно подчеркнуть. Дамам ближе яркий солнечный день и входящий в бухту корабль под алыми парусами с красавцем капитаном на борту или шестисотый «мерседес»...

Но годы идут, а парусники и роскошные машины возят других.

Вот тут-то и начинаешь задумываться о жизни и вспоминать о Несбывшемся. Не знаю автора, у которого об этом сказано лучше, чем у Грина в «Бегущей по волнам»:

«Рано или поздно, под старость или в расцвете лет Несбывшееся зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов. И тогда, очнувшись среди своего мира, тягостно сплывавшаяся и дорожа каждым днем, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинается ли сбываться Несбывшееся? Не ясен ли его образ? Не нужно ли теперь только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькающие черты. Между тем время проходит, и мы плывем мимо высоких туманных берегов Несбывшегося, толкая о делах дня».

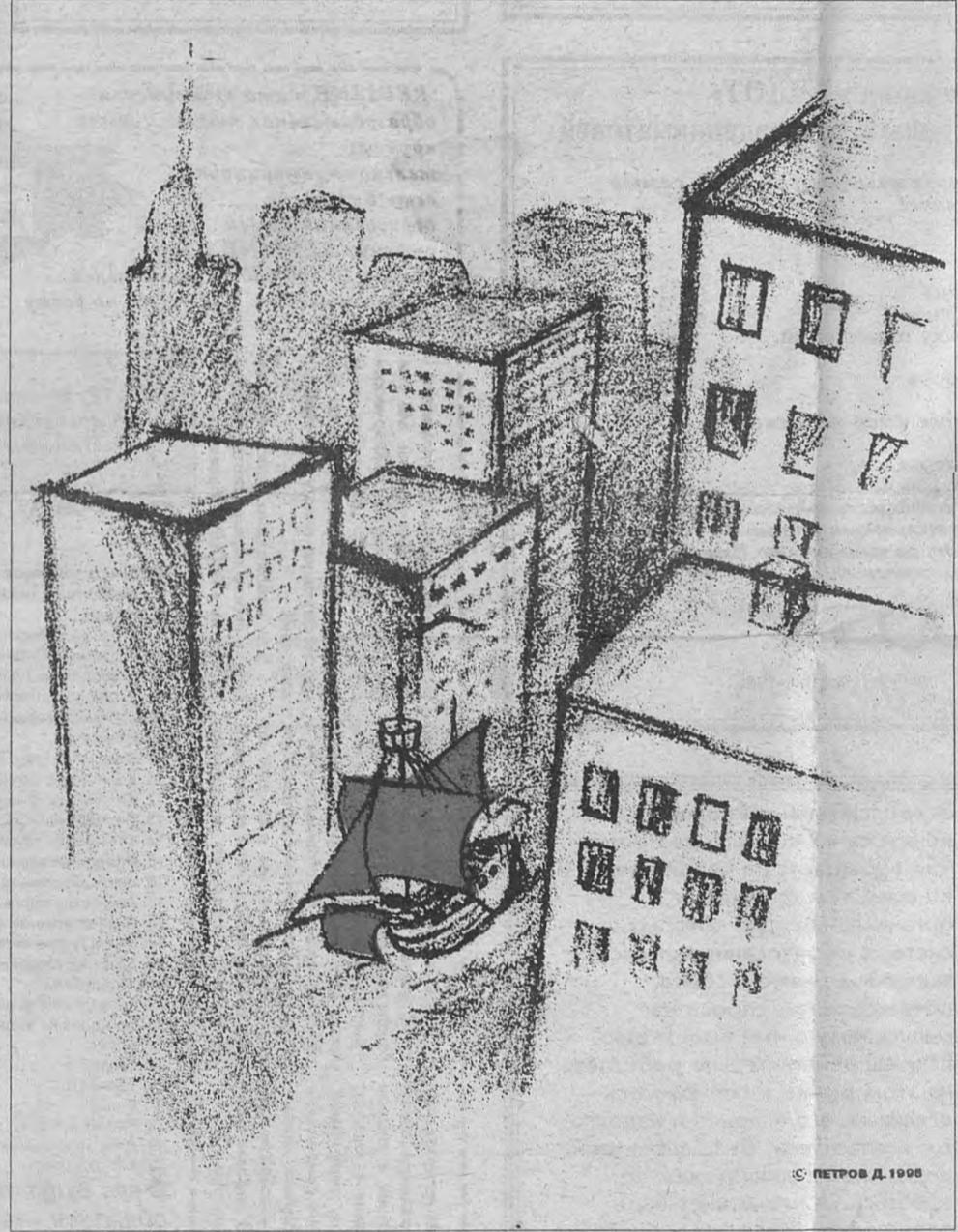
Именно этот зов Несбывшегося толкает тысячи вполне «респектабельных» мужчин покидать свои уютные городские квартиры и лопатить веслами байдарок мутную воду северных речушек или лезть на отвесные горные стены. Не слыша зова Несбывшегося, не понять вполне богатых и «устроенных» людей, вдруг бросающих все и пускающихся в морские странствия. И уж тем более не понять одиночек, идущих вокруг света на небольших суденышках или отчаянных, пытающихся пересечь Атлантику в бочке.

Сам Грин родился вдалеке от моря, но в 16 лет уехал в Одессу, где устроился служить матросом и ходил на разных кораблях.

Тема Несбывшегося особенно актуальна для нас - живущих в какой-то заколдованной стране Несбывшегося. Отзвучали пионерские горны, речевки и песни о вере в чудеса. Не сбылись надежды на Светлое коммунистическое будущее. Не сбылись и на светлое капиталистическое. Жизнь оказалась совсем не такой, какой нам пытались внушить. И не все могут жить по новым законам «джунглей», а значит вынуждены влачить более чем средний уровень существования. И бывает, что единственным выходом все чаще видится выход через окно десятого этажа. Не лучше ли тогда вспомнить о «туманных берегах НЕСБЫВШЕГОСЯ», бросить все и уехать в южный портовый город. И если повезет, выйти через пару лет из его акватории в безбрежные синие дали пускай на маленькой, уютной, но своей посудине. Если печаль к тому времени не отпустила тебя, то иди и иди через тысячи морских миль к экзотическим островам и голубым лагунам, обрамленным золотым, почти белым песком. А если бушующие волны рано или поздно бросят вашу яхту на прибрежные скалы или подводные рифы, это будет куда лучше, чем летящий поезд в туннеле метрополитена.

«Между тем время проходит, и мы плывем мимо высоких туманных берегов Несбывшегося, толкая о делах дня».

Андрей ЕМЕЛИН
Рис. Дмитрия ПЕТРОВА

самостоятельно, без помощи школы и учителей. Потому-то невозможно не открыть Грина, если тебя волнует шум моря и манит голубая даль. Осмелюсь предположить, что мы, живущие вдали от берега, море любим больше и сильнее, чем приморские жители. Для нас это редкость, желанная радость и праздник, а не объект каждодневного присутствия.

Но впитанная вместе со школьными обедами вера в чудо живет. Хотя не у всех. Как-то мне попалась статья-исследование о новелле «Алые паруса» и о том, что Грэй не мог поставить их на «Секрет». Мол, покупал капитан шелк, а он при ветре порвется, нужен дакрон. Более приземленной статьи в жизни не читал. Похоже, автор этой статьи живет в Каперне (даже названия у Грина говорят сами за себя), в этом маленьком, грязном, погрязшем в пошлости и мещанстве поселке, заселенном злыми и примитивными людьми.

то, что дано пережить далеко не каждому: «Она спрянула мокрое от слез лицо на груди друга, пришедшего так волшебным».

Сказка, замечательная своей реалистичностью сказка. Ведь это так несложно, потратив энную сумму, сменить цвет парусов своего корабля и забрать любимую. Но много ли таких Грэйев? Сколько ростков «пламенного чуда» гибнет и чахнет кругом.